

П. И. Бартенев

**Осьмнадцатый век.
Исторический сборник**

Книга 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. И. Барте́нев**
Осьмнадцатый век. Исторический сборник: Книга 1 / П. И. Барте́нев – М.: Книга по Тре-
бованию, 2024. – 516 с.

ISBN 978-5-518-00922-6

ISBN 978-5-518-00922-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

своихъ. Несомнѣнно еще, что Христіанъ-Августъ далеко уступалъ своей супругѣ въ живости ума, и вообще находился въ сравненіи съ нею какъ бы на заднемъ планѣ.

* * *

Мать Екатерины II, Іоанна Елизавета, происходила изъ древнѣйшаго въ Европѣ, Голштинскаго дома. Она родилась 24 октября 1712 года, слѣд. тремя годами была моложе нашей императрицы Елизаветы Петровны, съ которою судьба поставила ее въ родственныя сношенія. Іоанна Елизавета была дочь Христіана-Августа Голштинскаго (ум. въ 1726). Этотъ Христіанъ-Августъ былъ младшій братъ того герцога Фридриха, который погибъ въ началѣ Сѣверной войны, въ 1702 году, при Клиссовѣ, сражаясь въ войскахъ Карла XII (на старшей сестрѣ котораго онъ былъ женою). У него, т. е. у герцога Фридриха, остался одинъ только сынъ, Карлъ Фридрихъ, впослѣдствіи зять Петра Великаго. У брата же его было много дѣтей, и въ томъ числѣ Іоанна Елизавета, мать Екатерины II-й. Голштинія, за малолѣтствомъ и отсутствіемъ настоящаго герцога Карла Фридриха, проживавшаго у бабушки въ Копенгагенѣ, находилась подъ управленіемъ или администраціею его дяди, т. е. дѣда Екатерины II-й.

Извѣстно, что весь тамошній край, все побережье Балтійскаго и отчасти Нѣмецкаго морей, были полны въ то время славою и грозю Русскаго имени. Петръ Великій много лѣтъ сряду держалъ свои войска въ Помераніи. То была эпоха брачныхъ политическихъ связей. Судьбы Голштиніи, до того времени искавшей себѣ опоры въ родственной ей малолѣтнему герцогу Швеціи, теперь вполнѣ зависѣли отъ Петербурга, гдѣ тогда проживалъ молодой герцогъ Голштинскій, получившій наконецъ послѣ пятилѣтнихъ выжиданій руку царицы Анны Петровны. Его двоюродной братъ, молодой Карлъ Августъ, носившій титулъ епископа Евтинскаго и Любскаго, тоже пріѣхалъ въ Петербургъ и обручился съ царевною Елизаветою Петровною, но 1 іюня 1727 года умеръ отъ оспы. Связь съ Петербургомъ не прерывалась, и когда 15-ти-лѣтняя дочь бывшаго Голштинскаго администратора выдана была за князя Цербскаго, сей послѣдній извѣстилъ о своемъ бракѣ нашего императора Петра II-го. Вотъ выписка изъ современнаго перевода этой извѣстительной грамоты (хранящейся въ Московскомъ Архивѣ мин. иностр. дѣлъ въ бумагахъ по сношеніямъ нашего двора съ Ангальтъ-Цербстомъ. Изъ этихъ же бумагъ взяты нами и остальные, ниже помѣщаемыя письма и выписки).

Из грамоты къ Петру II-му князя Анальтскаго изъ Цербста, отъ 12 ноября 1727 г.

«Выше императорское величество по въ свѣтѣ прославленному великодушнѣю своему отъ меня за противно не пріймите, что я дерзаю вамъ съ покорнымъ респектомъ допести, коимъ образомъ я 8-го Ноября съ молодшею сестрою недавно въ С. Петербургѣ умершаго господина епископа Любскаго, съ принцессою Шлезвигъ-Голстинскою Іоанною Елисаветою, по учиненномъ прежде сговорѣ, въ забавномъ Брауншвейгъ-Волфенбютельскомъ замкѣ въ Вехельнѣ бракъ совершилъ».

Далѣе князь вспоминаетъ, что Петръ II по матери своей (принцессѣ Шарлоттѣ Волфенбюттельской) происходитъ отъ поколѣнія сестры дѣда его, князя, и проситъ о милости и протекціи. (Въ подлинн: *Das Beylage zu Wecheln auf einem Braunschweig-Wolfenbüttelschen Lustschlosse vollzogen*).

Русскіе люди, прочитавшіе тогда эту грамоту, могли ли думать, что черезъ 35 лѣтъ, ребенокъ, родившійся отъ этого брака, сядетъ на престолъ Русскій, воспрославитъ во всемъ мірѣ имя Русское, и оставитъ свой слѣдъ въ Русской жизни на цѣлые вѣка!

*
* *
*

Екатерина II-я родилась 21 апрѣля 1729 года, въ большомъ приморскомъ городѣ Штетинѣ, Славянскомъ Щетинѣ (1), въ Помераніи или Поморьи. Городъ этотъ незадолго передъ тѣмъ перешелъ въ Прусское владѣніе и еще полонъ былъ слѣдами Шведскаго владычества.

Покойный гр. Д. Н. Блудовъ передавалъ намъ, что ему при разборѣ архивовъ зимняго дворца случилось читать неизданную собственноручную тетрадь Екатерины II-й на французскомъ языкѣ, посвященную ей пріятельницѣ графинѣ П. А. Брюсъ и содержащую въ себѣ подробные ея рассказы о рожденіи, дѣтствѣ и вообще о жизни ея до пріѣзда въ Россію. Императрица записала между прочимъ въ этой тетради, что день ея рожденія пришелся въ какой-то праздникъ, что во всѣ Штетинскіе колокола звонили, и что это сочтено было благимъ предзнаменованіемъ. Императрица любила подмѣчать случайности и нерѣдко придавала имъ таинственное значеніе: необыкновенная ея судьба пріучила ее къ этому.

(1) Вѣроятно отъ словъ *щитъ, щититься, защищаться*. Щетинъ — родъ крѣпости, защищавшей поморье отъ средневѣковыхъ морскихъ разбоевъ.

Намъ неизвѣстны подробности ея младенчества и ребячества. Трудно предполагать, чтобы ею занимались заботливо: матери ея, когда она родилась, было всего 16 лѣтъ отъ роду. Но нѣкоторыя черты мы можемъ навѣрное угадывать. Живя въ Штетинѣ, гостя у своихъ родственниковъ въ Брауншвейгѣ и Гамбургѣ, Екатерина должна была съ ранняго младенчества слышать рассказы о недавнемъ пребываніи Русскихъ въ томъ краю, о чудесномъ императорѣ, который напр. въ сосѣдней Даніи совершаетъ походъ съ своими солдатами по поясъ въ болотной водѣ, который командуетъ соединеннымъ флотомъ Россіи, Англіи, Голландіи и Даніи, въ рукахъ котораго и громъ оружія и свѣтъ науки. Извѣстно, что ничто такъ не поражаетъ дѣтскаго воображенія, какъ подвиги великихъ людей, и должно полагать, что необъятность Россіи, ея могучія силы, ея величіе, эти толпы людей, отправлявшихся по Одеру на Штетинскихъ корабляхъ искать счастья въ таинственной Московіи, все это принадлежало къ дѣтскимъ впечатлѣніямъ будущей Русской государыни. Въ семейномъ кругу Штетинскаго губернатора не прекращались толки о Россіи. Мать Екатерины, женщина съ живымъ воображеніемъ, принимала горячее участіе въ судьбѣ своихъ Голштинскихъ братьевъ, которые изъ Петербурга ждали себѣ счастья.

Еще памятнымъ именовемъ въ дѣтской душѣ Екатерины II, было имя другаго великаго единоподержавца, Людовика XIV. Такъ называемый вѣкъ его былъ тогда въ полномъ разцвѣтѣ. Французскій языкъ и Парижское общечитіе уже водворились у всѣхъ сколько нибудь достаточныхъ людей въ Германіи. Мать Екатерины хорошо знала по французски. У Екатерины II-й была француженка-гувернантка, мамзель Гардель. Въ послѣдствіи императрица вспоминала ее въ бесѣдахъ съ своимъ статсъ-секретаремъ Грибовскимъ (Записки Грибовскаго, изд. 1864, стр. 39). «Эта моя гофмейстерина была старосвѣтская француженка. Она не худо меня приготовила для замужства въ нашемъ сосѣдствѣ; но, право, ни дѣвица Гардель, ни я сама не ожидали всего этого (²).» Въ біографіяхъ Екатерины упоминается также нѣкто Лоранъ, учившій ее чистописанію. Это былъ тоже французъ-эмигрантъ. Сравнительно-скромная обстановка, при обиліи вышнихъ впечатлѣній, представляемыхъ большимъ приморскимъ городомъ, тоже была одною изъ выгодъ воспитанія: Екатерина, съ ребячества, привыкла видѣть людей какъ они есть.

(²) Т. е. ея воцаренія въ Россіи.

Вотъ разсказъ Екатерины II-й, касающійся ея малолѣтства. Онъ составляетъ отрывокъ изъ Русскихъ ея Записокъ и уцѣлѣлъ случайно въ бумагахъ кн. Безбородки (3):

«Въ 1742 или 3-мъ году я была съ матерью моею въ Брауншвейгѣ, у вдовствующей герцогини, у которой мать моя была воспитана, и та герцогиня и мать моя были дома Голштинскаго. Тутъ случилось быть епископу католицкому Норвенскому (Evêque de Corbi) и съ нимъ было нѣсколько его канониковъ. Между канониками былъ одинъ дома Менгдена. Сей упражнялся предсказаніями и хиромантіей. Бывъ вопрошенъ матерью моею о принцессѣ Маріаннѣ Бевернской, съ которой я была весьма дружна и которая по нраву и красотѣ своей была весьма всѣми любима, не получитъ ли она по своимъ достоинствамъ корону, онъ не захотѣлъ объ ней сказать ничего. Наконецъ сказалъ матери моему: на лбу вашей дочери вижу короны, по крайней мѣрѣ, три. Мать моя приняла то за шутку. Онъ же сказалъ ей, чтобъ она никакъ о томъ не сомнѣвалась, и отвелъ ее къ окошку, и она послѣ уже съ прекраснымъ удивленіемъ сказала, что онъ ей чудеса пасказалъ, о чемъ она ему и говорить запретила; а мнѣ сказала уже здѣсь, что Менгдена предсказанія выполняются. А болѣе отъ нея узнать не могла.»

Надо полагать, что князь Ангальтъ-Цербскій, проведенный вѣкъ свой въ военной, суровой службѣ и ею исключительно занятый, предоставлялъ какъ воспитаніе дочери, такъ и заботу о ея замужствѣ своей супругѣ. Но Голштинскій домъ, къ которому она принадлежала, находился въ то время далеко не въ цвѣтущемъ положеніи. Намъ неизвѣстно, въ какихъ отношеніяхъ находилась Юанна-Елизавета къ своему двоюродному брату, владѣтельному герцогу Голштинскому, зятю Петра Великаго (ум. 1739); но съ Русскими людьми она вела знакомство вслѣдствіе пріязни, которая соединяла ее съ молодымъ Русскимъ путешественникомъ, впоследствии знаменитымъ Иваномъ Ивановичемъ Бенцинымъ (въ годъ рожденія Екатерины II-й ему было 25 лѣтъ отъ роду). Впрочемъ надежды на Россію совсѣмъ исчезли для членовъ Голштинскаго дома въ десятилѣтнее царствованіе Анны Ивановны, которая ревниво препятствовала всякимъ сношеніямъ зятя и внука Петра Великаго съ Петербургомъ и съ Русскими

(3) Отъ кн. Безбородки этотъ листокъ перешелъ къ кн. А. Н. Голицыну. Напечатанъ въ Блѣл. Зап. 1858 стр. 539.

людьми. Надежды эти внезапно ожили съ возшествіемъ на престолъ Русскій той самой царевны, которая была невѣстою епископа Любскаго Карла, брата Іоанны-Елизаветы. Въ Голштиніи знали, какъ любила она своего жениха; знали также, что Голштинія была дорога ей по воспоминанію о старшей сестрѣ, что она даже собиралась ѣхать туда, но ее не допустили до того (объ этомъ свидѣтельствуеъ зять ея, герцогъ Карлъ Фридрихъ въ недавно сдѣлавшихся извѣстными Запискахъ своихъ). Сохранились письма къ Елизаветѣ Петровнѣ изъ Кіля отъ Мавры Егоров. Шепелевой (впослѣдствіи графини Шуваловой), которая жила тамъ при герцог. Аннѣ Петровнѣ и сообщала сестрѣ ея въ Россію подробности тамошней жизни (4). Обстановка роднаго племянника, единственной мужской отрасли Петра Великаго, должна была живо занимать Елизавету Петровну, и Голштинскій домъ, какъ ближайшіе родственники, по всему вѣроятію, былъ ей извѣстенъ на перечеъ. Мать Екатерины II-й не замедлила привѣтствовать новую императрицу съ восшествіемъ ея на престолъ и со днемъ рожденія (16 декабря), и въ отвѣтъ ей написана была слѣдующая:

Грамота кн. Елизаветы Петровны къ Ангальтъ-Цербской владѣтельной княгинѣ Іоаннѣ-Елисаветѣ изъ Спб. 14 янв. 1742 года.

«Свѣтлѣйшая княгиня, дружечно-любезная племянница. Вашей любви писаніе отъ 27 минувшаго декабря и содержанныя въ ономъ доброжелательныя поздравленія мнѣ не иначе какъ пріятны быть могутъ... Понеже ваша любовь портретъ моеи въ Бозѣ успшей государыни сестры герцогини Голштейнскон, которой портретъ бывшей здѣсь въ прежнія времена королевской Прусскій министръ баронъ Мардефельдъ писалъ, у себя имѣете; того ради мнѣ особливая угодность показана будетъ, ежели ваша любовь мнѣ оной, яко иного хорошаго такого портрета здѣсь не находится, уступить и ко мнѣ прислать изволпте; я сію угодность во всякихъ случаяхъ взаимствовать сходна буду... Вашей любви дружечно-охотная Елисаветъ »

(4) Письма эти. письма живыя по содержанию и своеобразному слогу, напечатаны въ Читеніяхъ 1864. II, 67—72.

Портретъ, конечно, былъ присланъ, и въ томъ же 1742 году, по случаю дня своихъ именинъ 5 (16) сентября императрица посылаетъ Юганпъ-Елизаветѣ свой собственный портретъ, осыпанный брилліантами, цѣною въ 18 тысячъ рублей. Съ этимъ портретомъ, какъ видно по дѣламъ, нарочно велѣно было ѣхать изъ Берлина въ Цербстъ секретарю Русскаго посольства Шриверу и вручить портретъ лично.

Между тѣмъ П. П. Бецкій, вѣроятно, не упускалъ случая дѣйствовать въ пользу своей пріятельницы. Ему легко было производить благопріятныя внушенія черезъ родную сестру свою принцессу Анастасію Пвановну Гессенъ-Гомбургскую, которая, по богатству и связямъ своимъ, занимала при Русскомъ дворѣ очень видное мѣсто.

Тотчасъ послѣдовало улучшение и въ участи супруга Юанны-Елизаветы. Фридрихъ Великій, желая угодить Русской императрицѣ (расположенія которой онъ тогда заискивалъ) повысилъ Христіана-Августа чиномъ. Посолъ нашъ пишетъ въ Москву изъ Берлина отъ 17 іюля 1742 г.: «Принца Ангальтъ-Серпста король пожаловалъ въ фелтмаршалы.» 9 октября 1742 г. фелтмаршалъ Ангальтъ-Серпстъ, живущій въ Берлинѣ, пріѣхалъ къ гр Чернышеву просить о передачѣ его благодарности за отвезенный къ его супругѣ портретъ ея императорскаго величества.

Тогда уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ привезенъ былъ въ Россію круглый сирота герцогъ Голштинскій, Карлъ Петръ Ульрихъ, родной племянникъ императрицы Елизаветы и двоюродный племянникъ нашей Юанны-Елизаветы. Положеніе его было довольно страшное, и странность эта происходила отъ избытка царственныхъ правъ. Будучи владѣтельнымъ государемъ хотя и не значительной, но вполне самостоятельной страны, онъ могъ соединить на головѣ своей три короны: ибо имѣлъ всѣ права и на Шведскую (какъ родной по отцу внукъ *старшей* сестры Карла XII-го) и на Русскую, будучи по матери единственнымъ внукомъ Петра Великаго. Одно только его малолѣтство смягчало неловкость отношеній къ нему его тетки. Имѣть его въ Россіи было политическою выгодною. 7 ноября 1742 г. онъ объявленъ наследникомъ Всероссійскаго престола; а въ январѣ слѣдующаго года долженъ былъ отказаться отъ предложеннаго ему Шведскаго престола.

Такимъ образомъ всѣ интересы Голштинскаго дома внезапно перенеслись изъ бѣднаго Кіля и изъ Стокгольма въ Петербургъ и Москву, гдѣ тогда жила Елизавета Петровна.

Отношенія къ племяннику и наслѣднику составляютъ одинъ изъ главныхъ узловъ дворской, а отчасти и иностранной политики за многіе годы царствованія Елизаветы Петровны: внукъ Петра Великаго, сынъ его старшей дочери, имѣлъ болѣе правъ на Русскій престолъ, нежели сама Елизавета Петровна. Этимъ, можетъ быть, объясняется та глубокая тайна, въ которой совершился перевозъ его изъ Гилія въ Россію. Милости посыпалась на его родственниковъ съ отцовской стороны. Условіемъ Абовскаго мира съ Швеціею Елизавета постановила, чтобъ принцъ Адольфъ (старшій братъ Екатериныной матери) выбранъ былъ (въ іюль 1743) наслѣдникомъ Шведскаго престола. Какъ скоро миръ былъ заключенъ, начались заботы о бракосочетаніи Русскаго великаго князя. Обезпечить престолонаслѣдіе было дѣломъ настоятельной необходимости: на плечахъ была цѣлая свергнутая семья, старшая вѣтвь дома Романовыхъ; да кромѣ того всѣ свѣжо помнили, что однимъ изъ золь Аннинскаго царствованія была неувѣренность, что будетъ съ Россіею послѣ нея.

Намъ неизвѣстны Русскія подлинныя бумаги, касающіяся брачнаго союза Екатерины, и мы должны ограничиться слѣдующимъ разсказомъ Фридриха Великаго (*Mémoires*, Paris 1866, стр. 206—209: это изданіе есть перепечатка Берлинскаго, *полнаго* и *проставленнаго* по подлиннымъ рукописямъ):

«Изъ всѣхъ сосѣднихъ съ Пруссіею государствъ наибольшее вниманіе должно быть обращено на Россію, какъ на сосѣдку, самую опасную: она могущественна и она подъ бокомъ. «Будущіе правители Пруссіи тоже не избѣгутъ необходимости поддерживать дружбу съ этими варварами»⁽⁵⁾. Король⁽⁶⁾ опасался не столько числа Русскихъ войскъ, какъ этихъ казачковъ и татаръ, которые нападаютъ безпорядочною толпою, жгутъ населенныя мѣста, избиваютъ жителей, либо уводятъ ихъ въ плѣнъ. Появленіе ихъ равняется гибели. Другимъ непріятелямъ можно воздавать зломъ за зло; съ Россіею этого невозможно, развѣ имѣя значительный флотъ, и на немъ продовольствіе для того, чтобы идти войною на самый Петербургъ. Король прилагалъ всевозможныя старанія, чтобы пріобрѣсть себѣ дружбу Россіи, и въ этихъ видахъ дѣйствовалъ даже со стороны Швеціи. Въ то время императрица Елизавета, для обезпеченія престола-

(5) Слова, означенныя здѣсь и ниже кавычками, появились только въ изданіи сочиненій Фридриха 1846 года. въ прежнихъ изданіяхъ они были опускаемы.

(6) Фридрихъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.

наслѣдін, задумала женить великаго князя своего племянника. Хотя опредѣлительнаго назначенія еще не было сдѣлано, но болѣе другихъ нравилась императрицѣ сестра короля, принцесса Ульрика (7), а Саксонскій дворъ домогался, чтобъ выборъ палъ на принцессу Маріанну (8) вторую дочь короля Августа и этимъ союзомъ разсчитывалъ упрочить себѣ расположеніе императрицы.

Русскій министръ (9) былъ до такой степени продаженъ, что продалъ бы самую императрицу, если бы нашлось у кого довольно денегъ, чтобы заплатить ему за нее. Саксонцы выторговали у него условія предположеннаго брака. Но король Августъ за свои деньги долженъ былъ удовольствоваться одними обѣщаніями. Для блага Пруссіи надлежало всѣми мѣрами воспрепятствовать такому союзу Саксоніи съ Россією; но съ другой стороны противоестественно было для отстраненія Саксонки пожертвовать принцессою королевской крови.

Отысканъ другой исходъ. Изъ всѣхъ Нѣмецкихъ принцессъ, достигшихъ брачнаго возраста, наиболѣе пригодна была и для Россіи и для выгодъ Пруссіи принцесса Цербская. Отецъ ея былъ фельдмаршаломъ въ арміи короля, а мать, изъ Голштинскаго дома, сестра наслѣдника Шведскаго престола, приходилась теткою Россійскому великому князю. Не станемъ распространяться о мелочныхъ подробностяхъ этого сватовства; скажемъ только, что на устроеніе онаго потрачено столько трудовъ, какъ бы оно было дѣломъ величайшей важности. Самъ отецъ принцессы противился этому браку: съ набожностью первыхъ послѣдователей Лютера, онъ не хотѣлъ и слышать, чтобы дочь его сдѣлалась еретичкою, пока одинъ пасторъ, болѣе вѣротерпимый, растолковалъ ему, что греческая вѣра почти одинакова съ лютеранскою. Мардефельдъ (10) въ Россіи умѣлъ такъ искусно таить отъ канцлера Бестужева свои сношенія и переговоры, что къ великому изумленію Европы, принцесса Цербская явилась въ Петербургъ, и въ Москвѣ императрица оказала ей несомнѣнные знаки своего удовольствія и дружелюбія.

(7) Вышла потомъ замужъ за роднаго дядю Екатерины II-й Адольфа-Фридриха Голштинскаго, сдѣлавшагося въ 1751 г. Шведскимъ королемъ. Своимъ вліяніемъ на мужа, она дѣйствительно была полезна брату и вредна Россіи.

(8) Въ 1747 году она вышла замужъ за Баварскаго курфюрста Максимилиана-Иосифа.

(9) Т. е. графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ.

(10) Прусскій посланникъ въ Россіи.

Но еще не все было улажено. Оставалось преодолѣть затрудненіе, заключавшееся въ томъ, что женихъ и невѣста состояли между собою въ родствѣ. «Чтобы устранить эту помѣху не щадили денегъ: этимъ способомъ во всѣхъ странахъ опровергаются возраженія». Задобренные священники и епископы объявили, что въ законоположеніяхъ церковныхъ нѣтъ препонъ этому браку. Не довольствуясь этимъ первымъ успѣхомъ, баронъ Мардефельдъ задумалъ перевести низвергнутую династію изъ Риги въ какую нибудь другую область Россіи, и добился того. Необходимо было для безопасности императрицы, чтобы эти несчастные люди находились подальше отъ Петербурга, гдѣ новая смута могла имъ возвратитъ утраченное. Ихъ увезли за Архангельскъ, въ такое варварское мѣсто, что даже названіе его неизвѣстно ⁽¹¹⁾. Въ то время, какъ мы пишемъ эти записки, принцъ Антонъ Ульрихъ Брауншвейгскій находится еще тамъ.

Съ пріѣздомъ принцессы Цербской, Мардефельдъ и маркизъ Шетарди почувствовали себя въ силѣ. Они задумали довершить свое дѣло и для того отгѣснить великаго канцлера Бестужева, который былъ сторонникомъ Англіи и, изъ прихоти, врагомъ Франціи. Бестужевъ не имѣлъ дарованій, былъ не очень искусенъ въ дѣлахъ, высокомѣренъ по невѣжеству, лживъ правомъ, «пронырливъ» и двоедушенъ даже и съ тѣми, кто закупалъ его. Мардефельдъ и Шетарди своими происками успѣли разлучить двухъ братьевъ Бестужевыхъ. Обергофмаршалъ Бестужевъ отправленъ въ Берлинъ полномочнымъ министромъ; канцлеръ же такъ глубоко пустилъ корни при дворѣ, что удержался противъ всѣхъ нападеній. Мардефельдъ дѣйствовалъ очень искусно, и его участіе въ этихъ каверзахъ осталось незамѣченнымъ; Шетарди же, менѣе его осторожный, былъ уличенъ. Не взирая на его санъ и на услуги, имъ оказанныя, его принудили поспѣшить выѣздомъ изъ Россіи безъ дальнихъ церемоній.

Какъ скоро императрица выбрала супругою великому князю принцессу Цербскую, уже не такъ трудно было согласить ее на бракъ принцессы Ульрики Прусской съ новымъ наследникомъ Шведскаго престола. Этими двумя браками Пруссія утверждала свою безопасность. Прусская принцесса въ Стокгольмѣ не могла не доброхотствовать королю-своему брату, а Россійская великая княгиня, вскормленная и воспитанная въ Прусскихъ владѣніяхъ и обязанная своею фортуною королю, изъ чувства благодарности должна была держать его сторону».

⁽¹¹⁾ См. объ этомъ подробнѣе въ Русскомъ Архивѣ 1866, стр. 1541—1543.

Одинъ изъ младшихъ дядей Екатерины, Фридрихъ Августъ поѣхалъ въ Россію и повезъ съ собою портретъ своей племянницы, нарисованный славнымъ живописцемъ Пенонъ (Penne). Склоняясь на восхваленія его и короля Прусскаго, Елизавета Петровна говорила своему канцлеру Бестужеву: «Много наслышалась я о Французской принцессѣ; приходила мнѣ на мысли и Саксонская; но я за лучшее сочла взять принцессу протестантской вѣры, и при томъ изъ дома, хотя и знатнаго, до небольшого, такъ чтобы въ Русскомъ народѣ не произвели шуму и не возбуждали зависти ни ея иноземныя связи, ни ея провожатые, которыхъ она привезетъ съ собою. Поэтому всѣхъ пригоднѣе принцесса Цербская, тѣмъ болѣе, что она уже въ родствѣ съ Голштинскимъ домою» (12).

Между тѣмъ главный сватъ, король Прусскій обратился съ слѣдующимъ письмомъ къ матері Екатерины:

«Берлинъ, 30 декабря 1743.

Государыня-кузина!

По письмамъ, которыя получены вами изъ Петербурга, вы конечно уже знаете о горячемъ желаніи ея величества императрицы Всероссийской, чтобы вы и принцесса дочь ваша поѣхали повидаться съ нею. Вамъ извѣстны также распоряженія ея величества относительно доставленія вамъ средствъ для таковаго путешествія.

Отличное уваженіе къ вамъ и участіе во всемъ, что до васъ касается, обязываетъ меня сказать вамъ, какая цѣль этого приглашенія. Увѣренъ, что вы оцѣните мою полную къ вамъ довѣренность въ дѣлѣ, коего успѣхъ зависить исключительно отъ соблюденія его въ строжайшей тайнѣ. И такъ, въ силу этой довѣренности, не стану больше скрывать отъ васъ, что, цѣня васъ и принцессу, любезную вашу дочь, я пожелалъ, чтобы сей послѣдней достался жребій отчужденный, и сталъ обдумывать, нѣтъ ли возможности сочетать ее съ ея кузеномъ, нынѣ Русскимъ великимъ княземъ.

И дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ, разумѣется, въ величайшей тайнѣ, что, надѣюсь, не будетъ вамъ непріятно; и хотя конечно не обошлось безъ нѣкоторыхъ затрудненій, особливо по отношенію къ кровной близости между принцессою и великимъ княземъ, тѣмъ не менѣе на-

(12) Hermann, Geschichte des russ. Staats, V, 76 п 77.